

посвятил изображению зарубежья и сколько — перенес в отдаленный, отдаленный годами и километрами Киев. Самые заветные свои мысли он связывал с этим городом, и в творчестве стареющего эмигранта стали синонимами: юность, Киев, Родина.

Но, насколько известно, предполагаемый и естественный интерес «писателя из Киева» Булгакова к творчеству «киевского писателя» Куприна не находит подтверждения ни в воспоминаниях о Булгакове, ни в его переписке или в высказываниях его персонажей, ни в посвященных ему исследованиях. Имя Куприна или ссылки на какие-либо его произведения там решительно отсутствуют. Но значит ли это, что не верна только что высказанная догадка об интересе Булгакова к Куприну, догадка, основанная на типологических особенностях уже известных и изученных источников булгаковского творчества?

В 1917 году был впервые опубликован рассказ (или маленькая повесть) Куприна «Каждое желание», входящий в нынешние издания в переработанном виде и под другим — «Звезда Соломона» — названием. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» дает такие параллели с этим рассказом, такое сходство ряда ситуаций, эпизодов, деталей и фраз, что их количество (не говоря уже о качестве) просто не оставляет места для случайности.

Куприн рассказывает о маленьком чиновнике — простодушном добром человеке, который самым блистательным образом упустил возможность осуществить любое — самое безумное — желание, потому что желания его были скромны, умеренны, примитивны. К своему чиновничьему жалованью он подрабатывал пением в церковном хоре (деталь для Куприна автобиографическая), а потом, вместе с коллегами по хору и регентом, сживал в каком-то заведении, где пели уже в охотку, для души, и непьющий чиновник Цвет любил эти дружеские сборища. Но однажды, после томительного разговора о неисполнимых желаниях, он, вопреки своему обычаю, набрался все-таки, с трудом добрал домой и, поднявшись в свою каморку на мансарде, мгновенно уснул. Здесь рассказчик ставит точку и пробуждение героя переносит в следующую главу. Глава начинается голосом, который-то и разбудил Цвета:

«— Извиняюсь за беспокойство, — сказал осторожно чей-то голос.

Цвет испуганно открыл глаза и быстро

присел на кровати. Был уже полный день... В пыльном, золотом солнечном столбе, лившемся косо из окна, стоял, слегка согнувшись в полупоклоне и держа цилиндр на отлете, неизвестный господин в черном поношенном, старинного покроя сюртуке. На руках у него были черные перчатки, на груди огненно-красный галстук, под мышкой древний помятый порыжевший портфель... Странно знакомым показалось Цвету с первого взгляда узкое и длинное лицо посетителя...»

Это лицо Куприн описывает подробно и тщательно, так что у читателя не остается и тени сомнения, кто этот утренний визитер. «С первого взгляда» становится ясно: к Цвету явился сатана в традиционном облике Мефистофеля, и приходится только удивляться наивной недогадливости Цвета.

«— Я стучал два раза, — продолжал любезно, слегка скрипучим голосом незнакомец. — Никто не отзывается. Тогда решил нажать ручку... Я бы, конечно, не осмелился тревожить вас так рано... — Он извлек из жилетного кармана древние часы луковицей, с брелоком на волосяном шнуре в виде Адамовой головы, и посмотрел на них. — Теперь три минуты одиннадцатого. И если бы не крайне важное и неотложное дело... Да нет, вы не волнуйтесь так, — заметил он, увидя на лице Цвета испуг и торопливость. — На службу вам сегодня, пожалуй, и вовсе не придется идти...

— Ах, это ужасно неприятно, — конфузливо сказал Цвет. — Вы меня застали не одетым. Впрочем, погодите немного. Я только приведу себя в порядок и сию минуту буду к вашим услугам...»

Цвет как бы и узнает, и не узнает пожаловавшего к нему гостя и его странное, шутовское имя Мефодий Исаевич Тоффель (то есть Меф. Ис. Тоффель!). Посетитель оказывается ходатаем по делам, сообщает Цвету о неожиданно свалившемся на него наследстве где-то в Черниговской губернии — и энергично спрашивает его в наследственное имение. При этом оказывается, что все формальности Тоффель уже выполнил и даже договорился об отпуске, приобрел железнодорожный билет и заказал извозчика до вокзала. Все приготовлено для мгновенного выдворения Цвета — от роскошного кожаного баула до корзинки с провизией, которая «в последнюю минуту как-то сама собой очутилась в его руках»:

«— Не откажите принять. Это так...